

ИЕРАРХІЯ И ТАИНСТВА*)

I. Иерархія въ апостольскій вѣкъ.

Вопросъ о возникновеніи трехстепенной іерархіи, какъ основы церковной организаціи, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ въ современной церковно исторической наукѣ и, по всей вѣроятности, при данныхъ источникахъ обреченъ остаться достояніемъ гипотетическихъ догадокъ и построеній. Однако можно считать наиболѣе вѣроятнымъ тотъ общій итогъ, который напрашивается въ результатъ историческихъ наблюденій: втеченіе перваго вѣка, апостольская и послѣапостольская церкви не знаютъ трехстепенной іерархіи въ теперешнемъ смыслѣ (*). Послѣдняя можетъ быть констатирована съ начала II вѣка (съ перваго посланія Климента, посланій св. Игнатія Богоносца и послѣ нихъ) и еще даже, на переломѣ I и II вѣка, по крайней мѣрѣ по мѣстамъ (Διδάχη) мы наблюдаемъ болѣе сложную харизматически-іерархическую организацію. Однако уже съ середины II вѣка водворяется іерархическая организація съ болѣе или менѣе явнымъ «монархическимъ» епископатомъ во главѣ. Мы наблюдаемъ какъ бы двѣ эпохи: во-первыхъ, апостольскій и послѣапостольскій вѣкъ, когда благодатные дары, пріуроченные позднѣе къ харисмѣ іерархической, были обильно изливаемы какъ бы по в е р х ъ іерархическихъ граней, и, наряду съ самими св. апостолами, дѣйствовали и разные харисматики (I Кор. 12), и, во вторыхъ, эпоху урегулированнаго харисматизма черезъ іерархію по типу ветхозавѣтнаго священства, начиная съ II

---

*) Настоящій очеркъ составленъ для сборника *The ministry and sacraments*, подготавлиаемаго комиссіей богослововъ ко второй конференціи «Faith and Order» (Лозанской).

*) Сюда относится отсутствіе опредѣленнаго различія между епископами и прѣсвитерами, въ Д. Ап., XX, 17, 28; равно къ Титу, I. 5-7; Филип. I, 1, I Тим. гл. 3 (діаконы) и под.

вѣка. Можно не преувеличивать (подобно Зому) всей противоположности обѣихъ эпохъ, однако нельзя не видѣть всего ихъ разлчія. При этомъ — что здѣсь самое важное — самый переходъ отъ одной эпохи къ другой остается неуловимъ. Первоначальное отсутствіе трехстепенной іерархіи имѣетъ силу историческаго факта, обезсилить который остаются тщетны попытки православно-католической апологетики, и мы не знаемъ во всей точности установленія іерархіи. Мы не знаемъ и прямого «апостольскаго преемства» при установленіи этой іерархіи, которое было бы обозначено внѣшне-опредѣленнымъ образомъ. Хотя, на основаніи примѣровъ апостольскихъ рукоположеній въ Д. Ап., мы и можемъ постулировать преемственность этого рукоположенія отъ апостоловъ для первоіерарховъ, но констатировать его мы бессильны. Прагматически-тенденціозныя свидѣтельства о непрерывности апостольскаго преемства для Римской церкви у Тертуліана и св. Ириней (какъ и для Малоазійской церкви у св. Поликарпа), конечно, не имѣютъ достаточной доказательной силы, да и они даже не пытаются показать непрерывную линію апостольскихъ рукоположеній для всѣхъ церквей и для всѣхъ случаевъ рукоположеній. Идея прямого и непрерывнаго іерархическаго преемства отъ апостоловъ навѣяна прежде всего католической доктриной о приматѣ Петра, продолжающаго свое пребываніе въ Церкви въ лицѣ Римскихъ первосвященниковъ, а также ученіемъ о непосредственномъ установленіи всѣхъ семи таинствъ самимъ Христомъ, причемъ это опредѣленіе Тридентскаго собора (*) было воспринято и догматической доктриной (**) православія. Такая доктрина, конечно, не оставляетъ мѣста для того фактическаго hiatus, который во имя научной правды констатируетъ церковная исторія при переходѣ отъ до-іерархической къ іерархической эпохѣ. Исторія въ данномъ случаѣ ставитъ вопросъ для догматическаго истолкованія, именно о томъ, какъ же слѣдуетъ понимать іерархическое начало въ его значеніи въ церкви, а также и общій принципъ апостольскаго преемства, которымъ въ настоящее время устанавливается обоснованіе іерархіи. Католическая доктрина о приматѣ Петра, установленномъ яко бы самимъ Христомъ, и о преемствѣ его апостольства въ папахъ, обладаетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательностью, хотя и покупается цѣной догматическаго миеа о продолжающемся пребываніи ап. Петра въ римскихъ папахъ и на Римской каедрѣ. Однако, даже и съ католической точки зрѣнія уже нѣтъ основанія говорить о

*) Tridentin cons. canones de sacramentis in genere, с.п. I (Sess. VII)

**) Confessio Dosith., artic. XV. Conf. orth. pars 3, qu. 99.

лично́мъ преемствѣ́ други́хъ апостоловъ, да это и не говорится, потому что въ этомъ не заинтересована Римская догматика. Въ этомъ была бы болѣе заинтересована догматика православная, которая, однако, доселѣ не дѣлала, да и едва-ли была бы способна сдѣлать опытъ такого доказательства. Мы встрѣчаемъ иногда такое словоупотребленіе въ общей формѣ́ въ примѣненіи ко всему епископату, которому приписывается въ такихъ случаяхъ полнота апостольской благодати. Но это есть простое недоразумѣніе, ибо православная догматика совершенно не знаетъ идеи продолженія́ апостольскаго званія́ въ ихъ преемникахъ. Достоинство и служеніе св. апостоловъ, какъ знавшихъ Христа во плоти и Имъ Самимъ призванныхъ, не передаваемо, и епископаты отнюдь не имѣютъ полноты даровъ апостольства и въ *этомъ* смыслѣ́ не есть апостольское служеніе. Последнее гораздо выше епископства, которое входитъ въ апостольство какъ одинъ изъ частныхъ его даровъ, и даже не должно быть сравниваемо съ нимъ. Можно считать, что вдунуеніе Духа Св., которымъ подавалась апостоламъ власть отпущенія грѣховъ въ явленіи Воскресшаго Христа (Іо. 20, 22-3), было для нихъ какъ бы епископскимъ рукоположеніемъ, и оно получило силу для себя въ Пятидесятницѣ́. Однако самое призваніе въ апостольство, совершенное Христомъ, вовсе не было связано съ какимъ-либо *частнымъ* даромъ и не было приурочено только къ нему одному. И то, что св. апостолы въ Пятидесятницу восприняли въ огненныхъ языкахъ Духа Св., было гораздо большимъ, нежели только епископство, — именно всѣ́ ихъ пророческіе и харизматическіе дары. Церковь называется апостольскою не въ смыслѣ́ «апостольскаго преемства» епископскаго рукоположенія, или, по крайней мѣрѣ́, не въ одномъ только этомъ смыслѣ́, но въ отношеніи всей полноты апостольскаго преданія. И апостольское преемство въ этомъ смыслѣ́ свойственно всей церкви, а не одной лишь іерархіи, какъ и дары Пятидесятницы въ образѣ́ огненныхъ языковъ даны не одной лишь апостольской іерархіи, но и всему народу церковному. Католическое и католизирующее истолкованіе Пятидесятницы хочетъ придать ей то значеніе, что въ Сионской горницѣ́ были собраны лишь первоіерархи — апостолы, и лишь черезъ нихъ эти дары далѣе передаются остальнымъ членамъ Церкви. Но такое тенденціозное истолкованіе противорѣчитъ фактамъ, ибо по книгѣ́ Д. А. при сошествіи Св. Духа присутствовали не одни апостолы, но и Марія, Матерь Божія, и многіе другіе (Ср. Д. А. I, 14 и II, 1, 4). Но даже если бы и не было этого, нельзя думать, что апостолы въ Пятидесятницу представляли собой только іерархію, «учащую и правящую церковь», при отсут-

ствіи мірянъ. Правильнѣе считать въ такомъ случаѣ, что 12-рица апостоловъ фактически представляла собой все тѣло церкви со всѣми ея членами, т. е. и іерархію и мірянъ хотя и не дифференцированно, но въ нераздѣльности. Здѣсь имѣется полная аналогія съ Мѡ. 28, 19-20, гдѣ повелѣніе крестить и учить всѣ языки, непосредственно обращенное къ Апостоламъ, въ дѣйствительности имѣетъ въ виду всю церковь. (Это подтверждается въ частности, и тѣмъ фактомъ, что крещеніе можетъ быть совершаемо и мірянами, оно же предполагаетъ и наученіе). Безспорно, что въ полнотѣ даровъ, ниспосланныхъ Церкви, которая была представлена въ лицѣ апостоловъ, были и полномочія іерархическія, но не исключительно они одни. Если ветхозавѣтная іерархія получила свое начало отъ полноты даровъ пророка и боговида Моисея, то и апостолы положили начало христіанской іерархіи не въ качествѣ лишь первоіерарховъ, но отъ всей полноты апостольства, которая, какъ таковая, никому не передается, а потому и неумѣстно говорить объ апостольской благодати у однихъ іерарховъ.

Апостолы основывали церкви по мѣстамъ и предустановляли ихъ устройство. Однако этого нельзя понимать легалистически, въ томъ смыслѣ, чтобы они сами создавали всю систему церковныхъ установленій, опредѣляли церковную организацію. Богочеловѣческая природа церкви предполагаетъ не только божественное вдохновеніе и руководство, но и отвѣтное челоуѣческое творчество и самоопредѣленіе. Поэтому церковь подлежитъ историческому развитію. И въ соотвѣтствіи этому въ первоапостольской церкви мы наблюдаемъ первоначально извѣстную аморфность и безформенность. (Это и подало Зому поводъ видѣть въ послѣдней внутренней норму церковной церкви, въ отношеніи къ которой всякій институціонализмъ, «церковное право», является грѣхопадениемъ). Эта аморфность восполнялась и скрѣплялась личнымъ служеніемъ апостольскимъ и ихъ непрестаннымъ посѣщеніемъ разныхъ общинъ (сюда же присоединяются и позднѣйшіе «харизматики»). Но, конечно, и оно не могло удовлетворять всѣмъ практическимъ нуждамъ мѣстныхъ общинъ (или еkkлезій), которые поэтому имѣли свои собственные органы: «епископы», «діаконы», «пресвитеры» и пр. При этомъ въ апостольской письменности мы не встрѣчаемъ указаній, чтобы евхаристія, преломленіе хлѣба, которое начинается совершаться тотчасъ же послѣ Пятидесятницы (Д. А. 2, 42, 46), имѣли для себя нарочитыхъ совершителей, помимо самихъ апостоловъ, которыхъ, конечно, не было достаточно для того, чтобы удовлетворять литургическимъ нуждамъ въ разныхъ мѣстахъ. Это выразительное умолчаніе о су-

ществованіи нарочитой іерархіи для совершенія таинства евхаристіи свидѣтельствуєтъ скорѣе о томъ, что здѣсь еще не существовало опредѣленнаго іерархическаго строя сакраментальной жизни. Идея всеобщаго священства, хотя и не въ опредѣленныхъ конкретныхъ формахъ, была практически руководящей для этого строя, остатки или переживаніе котораго мы имѣемъ въ Дидакхе, Ученіи 12 апостоловъ, гдѣ евхаристія совершается и евангелистами, и пророками, и епископами или пресвитерами.

II. Возникновеніе іерархіи въ послѣапостольскій вѣкъ.

Таково прямое свидѣтельство исторіи, которое не можетъ быть обезсилено догматическими постулатами о непрерывномъ существованіи іерархіи для совершенія таинствъ съ древнѣйшихъ временъ. Напротивъ, болѣе вѣроятнымъ является, что іерархія возникаетъ въ исторіи, какъ бы самопроизвольно и, конечно, въ соотвѣтствіи съ духомъ апостольскаго преданія и никоимъ образомъ не вопреки ему, хотя и было время, когда ея не было (*).

Этотъ фактъ историческаго возникновенія іерархіи въ настоящее время вноситъ цѣлую догматическую смуту, причѣмъ и въ сужденіе о самомъ историческомъ фактѣ привносятся догматическія страсти и тенденціозность. Для однихъ въ этомъ фактѣ содержится догматическое устраненіе преемственной іерархіи въ пользу выборнаго всеобщаго священства, для другихъ уже въ самомъ признаніи этого историческаго факта усматривается злостная ересь, — подрывъ іерархическаго начала въ жизни церкви, которое хотятъ поддержать историческимъ миѳомъ. Обѣ точки зрѣнія одинаковы невѣрны въ своей прямолинейности, но факты, безспорно, нуждаются въ догматическомъ истолкованіи.

Существуютъ таинства, прямо установленныя въ Евангеліи и потому получившія названіе Евангельскихъ; о нихъ не возникаетъ тѣхъ своеобразныхъ вопросовъ, которые ставятся относительно таинствъ «не-евангельскихъ». Исто-

---

*) Это, впрочемъ, не исключаетъ возможности прямого апостольскаго іерархическаго преемства (во всей неопредѣленности этого термина) въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр., въ Римѣ (согласно св. Иринее и др.), по нѣкой мѣрѣ, оно можетъ быть гипотетически конструировано для доказательства опредѣленнаго тезиса. Однако исключенія въ данномъ случаѣ не подтверждаютъ общаго правила.

рія свідѣтельствуєть, що нѣкоторыя таинства, хотя и со-
отвѣтствуютъ духу преданія апостольской церкви и въ ней
даже существуютъ какъ бы въ зернѣ, однако проявляются
въ жизни не сразу, но въ историческомъ развитіи, чѣмъ от-
нюдь не умаляется ихъ значеніе. Такого елеосвященіе, бракъ,
въ извѣстномъ смыслѣ даже покаяніе и, очевидно, сюда же
относится и священство. Въ протестантизмѣ установился
догматическій принципъ, своего рода старовѣрчество, согласно
которому только то имѣетъ догматическое право на существо-
ваніе, что отмѣчено печатью примитивности (U r - Christen-
thum), такъ сказать, до-историчности. Въ этой предпосыл-
кѣ заключено молчаливое отрицаніе церковной исторіи, ко-
торая разсматривается лишь какъ грѣхопаденіе. Почему
должны имѣть силу лишь учрежденія болѣе раннія и недо-
развитыя сравнительно съ болѣе развитыми и поздними? поче-
му эти послѣднія лишены авторитета священнаго преданія,
приписываемаго исключительно первымъ? На этотъ вопросъ
никогда не было дано отвѣта, считалось самоочевиднымъ,
что первохристіанство есть норма всего христіанства.
Но въ то же время, остается неопровержимымъ фактомъ цер-
ковнаго преданія, что послѣ промежутка лишь нѣсколькихъ
десятилѣтій, существующаго между апостольскимъ и послѣапо-
стольскимъ вѣкомъ, мы уже наблюдаемъ во второмъ вѣкѣ
епископаты и трехчленную іерархію. Вообще устанавливает-
ся іерархическій принципъ: св. Игнатій, св. Ириней, св. Ки-
прианъ и другіе уже выражаютъ его какъ безспорный и самооче-
видный. Въ этомъ стремленіи къ вѣрности лишь изначаль-
ному преданію церкви, въ ея до-іерархическомъ состояніи,
хотя оно утверждается во имя свободы, или «профетизма», въ
дѣйствительности проявляется скорѣе ветхозавѣтный номизмъ
въ легалистической законченности своей. Между тѣмъ орга-
нически развивающееся и постепенно приходящее къ полнотѣ
своей преданіе въ вѣрности апостольскимъ началамъ, по-
родило іерархію. При этомъ порожденіи явственно высту-
паетъ древнеапостольскій принципъ в о з л о ж е н і я р у к ъ,
какъ образъ сообщенія благодати отъ св. апостоловъ въ апо-
стольской церкви. Эта сила передана апостолами ихъ преемни-
камъ, хотя мы и не можемъ точно установить всѣхъ частныхъ
случаевъ этой передачи (соборныя посланія Тимооея и Тита).
Это возложеніе рукъ первоначально имѣетъ многообразное
и неопредѣленное значеніе. Лишь позднѣйшее преданіе Цер-
кви связываетъ съ опредѣленными его образами опредѣлен-
ные— и притомъ разные — дары изъ полноты сокровищни-
цы Церкви. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Цер-
ковь сама устанавливаетъ іерархію въ ея тепе-
решней формѣ. Обычно различаются и противопоставляютъ-

ся въ католическомъ, а вслѣдъ за нимъ и въ православномъ богословіи установленія *iure divino* и *iure ecclesiastico*, божественныя и безусловныя и относительно-историческія, причемъ трехстепенная іерархія (возглавляемая папою) относится, конечно, къ числу первыхъ. Однако, ни та ни другая категория не уловляетъ вполне характера іерархическаго установленія. Іерархическій принципъ, преемство черезъ рукоположеніе, есть установленіе божественное, существуетъ *iure divino*, но въ своемъ конкретномъ историческомъ бытіи оно возникаетъ въ исторіи Церкви, *iure ecclesiastico*. И въ общемъ это будетъ, конечно, *modo divino-humano*, б о г о ч е л о в ѣ ч е с к и м ъ дѣйствіемъ Церкви.

Въ первоначальной церкви полнота даровъ Пятидесятницы изливалась преизобильно, какъ при жизни самихъ апостоловъ, на протяжении нѣкотораго времени, м. б. два-три десятилѣтія, и послѣ нихъ. У насъ нѣтъ прямыхъ указаній, чтобы апостолы, основывая новыя церковныя общины, сами рукополагали для нихъ опредѣленныхъ іерарховъ. Скорѣе оставялась возможность установленія іерархіи, которая однако осуществлялась самой церковію. Она, церковь, изъ полноты своей пребывающей Пятидесятницы, порождала іерархію, согласно божественному духу, въ ней живущему, и согласно общему началу преемственности благодати. Если въ ветхозавѣтной церкви мы имѣемъ установленіе іерархіи, по повелѣнію Божію, черезъ пророка Моисея, то и здѣсь іерархія возникаетъ чрезъ пророческую духоносную дѣятельность церкви. Церковь есть *a priori* іерархія, а не іерархія есть *a priori* церкви. Представленіе объ іерархіи, какъ о прямомъ и непрерывномъ преемствѣ рукоположеній отъ апостоловъ, свойственно позднѣйшему вѣку, — Иринея, Тертуліана и Кипріяна. Оно слишкомъ ярко окрашено характеромъ прагматическимъ и не можетъ считаться достаточнымъ свидѣтельствомъ, имѣющимъ силу историческую. Если внѣ всякаго сомнѣнія въ апостольствѣ сосредочивалась вся полнота и сила епископства, которая дана была въ Пятидесятницѣ в с е й Церкви, то это не означаетъ, чтобы апостолы были фактически архіереями опредѣленныхъ церквей. Напротивъ, они не оставались въ опредѣленныхъ мѣстахъ, и свѣдѣнія объ этомъ (кроме явно легендарныхъ) у насъ отсутствуютъ (какъ и рукоположенные ап. Павломъ Титъ и Тимофей не были въ точномъ смыслѣ слова епископами). Представленіе объ архіерействѣ апостоловъ вытекаетъ съ необходимостью лишь изъ католическаго пониманія іерархическаго преемства (прежде всего отъ апостола Петра), и вообще іерархіи какъ власти надъ церковью (особое примѣненіе принципа *ex ore operato*). Предполагается, что внѣшнимъ фактомъ преемства устанавливается,

какъ данная, іерархія, которая и властвуетъ надъ церковію, въ качествѣ церковной олигархіи. Такое представленіе, хотя распространено и среди нѣкоторыхъ православныхъ богослововъ, не соотвѣтствуетъ православному пониманію церкви, какъ органическаго единенія всѣхъ членовъ въ тѣлѣ, хотя и съ различеніемъ ихъ, — единенія всѣхъ въ свободѣ и любви, въ соборности. Согласно этому разумѣнію, всѣ дары, въ частности и іерархическіе, даны всей церкви въ ея соборности, а потому церковъ силою этого оказалась компетентна выдѣлять разные органы для разныхъ функций и у с т а н о в л я т ь іерархію. Для этого все не было необходимо то п р я м о е преемство рукоположеній отъ апостоловъ, которое, будучи постулируемо, однако не можетъ быть доказано. Вся доктрина іерархіи должна быть освѣщена въ духѣ принципа соборности, согласно которому іерархія существуетъ въ церкви и для церкви, но не н а д ъ церковью, есть ея органической членъ, хотя и облеченный особыми полномочіями. Римская доктрина въ такой мѣрѣ повліяла на богословское мышленіе в с ѣ х ъ исповѣданій въ этомъ вопросѣ, что нужно не малое усиліе это вліяніе преодолѣть. Основной принципъ долженъ здѣсь быть тотъ, что іерархическія полномочія принадлежать всей церкви, и епископы возникли въ Церкви ея силою, а не даны ея какъ бы извнѣ, прямо отъ Апостоловъ. Епископство, но не епископы, включено въ дары Пятидесятницы, благодаря которымъ въ общемъ числѣ рукоположеній возникали по мѣстамъ, въ соотвѣтствіи нуждамъ церковнымъ, отдѣльныя епископіи. Было совершенно естественно, что послѣднія возникали чрезъ рукоположеніе отъ епископовъ же, что и получило для себя именованіе «апостольскаго преемства». Смыслъ этого названія въ обычномъ пониманіи тотъ, что въ предѣлахъ в и д и м а г о историческаго поля не существуетъ перерыва въ іерархическомъ преемствѣ рукоположеній. Однако идея «апостольскаго преемства» имѣетъ въ древней церкви еще и другое, болѣе широкое и догматически очень важное, значеніе. Здѣсь разумѣется не только преемство іерархическаго рукоположенія, но и принадлежность къ данной церковной общинѣ, основанной апостолами или отъ нихъ возникшими, т. е. преемство с о б о р н о с т и . Этотъ важный историческій фактъ, отмѣчаемый Тернеромъ въ его превосходномъ очеркѣ объ «апостольскомъ преемствѣ», устанавливаетъ въ міровоззрѣніи древней церкви принципъ с о б о р н о с т и , какъ неразрывности органической связи, единства жизни общины (*). Епископ-

---

*) Essays on the early history of the Church and the ministry, edited by H. B. Swete. C. H. Turner. Apostolic Success-

ская благодать дается общинѣ, а не отдѣльному лицу, которое реализуетъ ее лишь въ связи съ общиной. Это значитъ что не епископское лишь возложение рукъ, но вся община своимъ согласіемъ и участіемъ установляетъ іерархію съ ея преемствомъ. Органическая связь общинъ между собою выводитъ за грани частной помѣстной церкви, которая отнюдь не является замкнутою въ своей соборности, но находится въ органической связи со всѣмъ тѣломъ церкви. Эта связь внѣшне выражается тѣмъ, что рукоположеніе епископское предполагаетъ участіе двухъ или трехъ епископовъ, принадлежащихъ другимъ церквамъ, какъ ихъ представителямъ, т. е. включается въ жизнь общецерковнаго цѣлаго (Киприановское *in solidum*).

Это не есть идея церковной демократіи, но церковно-соборной органичности. Іерархія съ ея іерархическимъ преемствомъ дана всей церкви, которая и вся имѣетъ участіе въ рукоположеніи и не только черезъ выборы и согласіе (*), но чрезъ молитвенное участіе въ самомъ таинствѣ рукоположенія. Чинъ рукоположенія построенъ такимъ образомъ, что согласіе народа, выражаемое *ἔξως*, является существеннымъ моментомъ и въ самомъ таинствѣ. Въ формулѣ рукоположенія вѣрующій народъ также призывается къ молитвѣ о схищеніи благодати Духа Св., иначе говоря, само возведеніе въ санъ совершается не однимъ рукоположеніемъ, какъ магическимъ или механическимъ актомъ, но молитвой церкви при рукоположеніи (**). Сами іерархи въ отдѣльности отъ церковной об-

---

sion, p. 105, 106, 108, 109, 129. «The holy Church was catholic as well as apostolic. It was not one line of descent, but many, which linked the Church of Irinaeus, and Tertullian with the Church of the Apostles; in brief it was not the Apostolic succession, but the Apostolic successions» (106-7). «Alike to Irinaeus, to Hegasippus, and to Tertullian, bis hops have their place in the apostolic succession only in connexion with the churches over which they preside (129).

*) Въ Conf. Dosit., art. X, сначала утверждается всеобщее епископское преемство отъ апостоловъ, а затѣмъ прибавляется: «архіеіея избирають не священники или пресвитеры, и не свѣтская власть, но соборъ высшей церкви того края, гдѣ находится городъ, для котораго назначается рукополагаемый, или по крайней мѣрѣ, соборъ той области, гдѣ должно быть епископу. Иногда впрочемъ избираеть самъ городъ, но не просто, а избраніе свое предъявляетъ собору.

**) По чину рукоположенія слѣдуетъ, что возложенію рукъ епископа (или епископовъ — при епископскомъ рукоположеніи) не только не предается совершительнаго значенія въ таинствѣ, но къ нему приурочено лишь обращеніе его къ церкви о соборной молитвѣ о рукополагаемомъ, совершеніи таинства. «Избраніемъ и искусомъ боголюбивѣйшихъ епископовъ и всего освященнаго собора (предшествующія слова лишь при епископскомъ рукополо-

щины и вопреки ей не могут совершить дѣйственаго рукоположенія, такъ сказать, *ex opere operato*. По этому-то для дѣйственности рукоположенія требуется, чтобы рукополагаемый пріуроченъ былъ къ опредѣленной церковной общинѣ.

III. Всеобщее священство и іерархія.

Итакъ, іерархія, такъ же какъ и таинство священства, хотя и имѣетъ историческое возникновеніе въ жизни церкви, но именно въ этомъ происхожденіи отъ церкви и заключается лежащая на ней печать Пятидесятницы. Поэтому и можно о ней сказать, что она существуетъ *iure divino*, хотя въ то же время и *iure ecclesiastico*. Въ этомъ совмѣщеніи обоихъ принциповъ, которые обычно противопологаются, нѣтъ противорѣчія. Первоначально іерархическій принципъ, имѣя божественное происхожденіе, осуществлялся спонтанно и неопредѣленно, въ порядкѣ энтузіастическаго вдохновенія, а затѣмъ получилъ форму каноническаго установленія. Это каноническое оформленіе идеологически и практически получаетъ для себя одностороннее и жесткое выраженіе, нечуждое западнаго «юридизма»; не только въ западной церкви, но и восточной. Основнымъ коррективомъ противъ этой легалистической односторонности является принципъ соборности или органичности церкви, какъ тѣла Христова. Строго говоря, вся церковь іерархична, какъ тѣло Христово, храм

женіи) божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая проучествуетъ (такого-то въ такую-то степень). *Помолимся убо о немъ, да снидетъ на него благодать Святаго Духа*, и церковь молится («*inquit eleysonъ*») вмѣстѣ съ епископомъ, чтобы просимая благодать снизошла (Въ члнѣ діаконскаго посвященія читается еще: «не бо въ наложеніи рукъ моихъ, но въ посѣщеніи богатыхъ щедротъ Твоихъ дается благодать достойнымъ Тебѣ!» «*Прочувствованіе*» *промериѣсѣдѣи* отнесется къ *и з б о а н і ю* рукополагаемаго, притомъ не епископомъ только, но и народомъ. Такимъ образомъ органическая связь рукополагаемаго съ церковью включена въ соборность, включена въ самое рукоположеніе. Эта же мысль объ участіи клира и народа въ таинствѣ выражена въ формулѣ *Apostolicae constitutiones VIII, 6.*, Самъ инынѣ призри на раба Твоего сего, гласомъ и судомъ клира всего въ прѣсвитерство вданнаго и исполни его духа благодати и согѣта» и т. д. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «велика сила собора или церкви. Приговоръ ихъ важенъ, возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ. Вотъ почему и готовящійся рукополагать испрашиваетъ при этомъ и ихъ молитвъ, и она подають голосъ свой и возглашаютъ звѣстное освященнымъ, а неосвященнымъ не все можно отъзывать» (*Ad. 2 Cor. hom. 18*). Ср. очеркъ Н. Аксакова «*Предаде церкви и преданіе школы*» (Богословскій Вѣстникъ, 1908).

Св. Духа, и іерархическое служеніе есть не основаніе, но функція этой іерархичности. Радикальная мысль Зома, направленная (какъ и весь протестантизмъ) полемически противъ Римскаго легализма, въ своемъ принципиальномъ отрицаніи каноническаго права, какъ права, содержитъ ту истину, что іерархія не легалистична, но харисматична, и не поставлена надъ церковью, но соборна и органична. Въ этой соборной органичности расплавляется желѣзо власти, и подчиненіе означаетъ убѣжденіе.

Органическая природа іерархіи въ церкви связана съ тѣмъ, что составляетъ главную и важнѣйшую ея функцію. Она состоитъ не въ томъ, чтобы повелѣвать и карать (что есть уже вторичная и производная ея функція), но, прежде всего и важнѣе всего, — совершать таинства, и, самое главное, Божественную Евхаристію. Іерархія есть установленіе прежде всего евхаристическое. И, поскольку самъ Господь установилъ таинство Евхаристіи, постольку и іерархія включена въ это ея установленіе, въ качествѣ одного изъ условий. Совершеніе Евхаристіи начинается въ церкви тотчасъ же послѣ Пятидесятницы (Д. А. 2), очевидно, при прямомъ участіи апостольскомъ; позднѣе (по Didache) она совершается не только апостолами, но и пророками и евангелистами, — переходная эпоха, и къ началу II вѣка неизвѣстными путями, очевидно, нѣкимъ инстинктомъ мудрости церковной, непосредственное руководство ею сосредоточивается въ рукахъ іерархіи, и всѣ опредѣленія іерархическихъ степеней совершаются въ отношеніи къ Евхаристіи. Епископъ, какъ и пресвитеръ, суть совершители Евхаристіи, причемъ епископъ, рукополагающій пресвитеровъ, естественно занимаетъ первенствующее мѣсто, діаконъ же есть служащій при совершеніи Евхаристіи. Замѣчательно, что въ самыхъ первыхъ памятникахъ письменности, гдѣ устанавливается принципъ іерархическій, онъ неизмѣнно обосновывается совершеніемъ Евхаристіи. Такъ мы имѣемъ у Климента (*) (въ отношеніи къ пресвитерамъ)

---

*) «Немалый грѣхъ, говоритъ Климентъ въ своемъ посланіи, будетъ на насъ, если неукоризненно и свято приносящихъ дары (προσευχίας) будемъ лишать епископства» (44). Христіане «должны совершать въ порядкѣ все, что повелѣлъ Господь. «Онъ повелѣлъ, чтобы жертвы и священныя дѣйствія совершались не случайно и не безъ порядка, но въ опредѣленные времена и часы» (40), и не повсюду и не во всякое время, но въ Іерусалимѣ и только первосвященниками съ другими служащими (41). Поэтому и въ христіанской церкви апостолы поставили епископовъ и діаконъ (42). И подобно ветхозавѣтному священству, апостолы установилъ порядокъ преемства епископовъ.

и у св. Игнатія (*) въ отношеніи къ епископамъ и всему клиру. И уже на этомъ базисѣ устанавливается, въ качествѣ надстройки, по мотивамъ практическимъ то или иное идеологическое обоснованіе епископской власти и значенія въ церкви.

Но въ этомъ евхаристическомъ значеніи іерархіи прежде всего и больше всего раскрывается и соборность ея природы. Евхаристія есть *leitourgía*, общее дѣло, общее служеніе. Согласно чину православной литургіи, въ которой соединяются, сплетаясь и чередуясь, молитвы совершителя и молящихся, таинство совершается соборно, всѣмъ народомъ в мѣстѣ съ священнослужителемъ и власть совершать преложеніе осуществляется не магическимъ актомъ ех *opere operato* помимо молящихся и безъ участія ихъ, вообще безъ отношенія къ церкви, но какъ литургія, общее дѣло (Подобнымъ же образомъ соборно совершаются и всѣ другія таинства, въ частности и хиротонія, какъ уже указано выше). Въ отрицательной же формѣ эту мысль можно было бы выразить такъ: священникъ или епископъ одинъ, безъ народа и внѣ отношенія къ народу, принципиально не можетъ и не долженъ совершать Евхаристіи (**), а присутствующіе на литургіи, хотя бы и въ самомъ маломъ количествѣ міряне являются представителями всего церковнаго народа. Итакъ, слѣдуетъ считать, что происхожденіе іерархіи

---

*) Призывъ къ повиновенію епископу тѣсно переплетается у него съ призывомъ къ участию въ Евхаристіи, совершаемой епископомъ. «Кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія. Если молитва двоихъ имѣетъ великую силу, то сколько сильнѣе молитва епископа и цѣлой церкви» (Еф. 5). «Итакъ, старайтесь имѣть одну евхаристію. Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша въ единеніи крови Его, одинъ жертвенникъ, какъ и одинъ епископъ съ пресвитерами и діаконами, сослужителями моими» (Филад. 3 и 4). «Они удаляются отъ евхаристіи и молитвы, потому что не призываютъ, что евхаристія есть плоть Спасителя Нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грѣхи... Безъ епископа никто не дѣлай ничего, относящагося до церкви. Только та евхаристія должна почитаться истинной, которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ предоставитъ это» (Смирн. 5-8) и т. д. У св. Игнатія мы имѣемъ наиболѣе яркую евхаристическую концепцію епископата, къ которой присоеди няются дагѣе и другіе мотивы. Въ Ученіи 12 апостоловъ (предшествующее посланіемъ св. Игнатія), хотя совершеніе евхаристіи принадлежитъ и пророкамъ, но наряду съ ними называются уже епископы и діаконы, главная обязанность которыхъ составляетъ упорядоченное совершеніе евхаристіи (Дидахе, 15).

**) Практика знаетъ, конечно, подобные случаи (напр. еп. Теофанъ Затворникъ ежедневно совершалъ литургію въ своемъ уединеніи), но тогда участіе народа, т. е. всей церкви, безспорно подразумевается.

сакраментально, и она родилась изъ Евхаристіи- А уже изъ этого центра далѣе возникло и развилось и совершеніе другихъ таинствъ, все-таки имѣющихъ центръ въ литургіи или приуроченныхъ къ ней: прежде всего само таинство священства, далѣе мвропомазаніе, крещеніе, которое первоначально могло и до сихъ поръ можетъ совершаться и мірянами (*), бракъ, приуроченный первоначально къ литургіи, затѣмъ и (по божественному установленію) покаяніе, а съ теченіемъ времени елеосвященіе. Но, что надо имѣть въ виду, всѣ эти таинства, подобно Евхаристіи, совершаются также соборно, суть дѣйствія церкви черезъ іерархію, вѣрнѣе, при ея необходимомъ участіи, но не іерархіи, какъ таковой, помимо церкви или надъ церковью. Итакъ, сакраментализмъ есть подлинное основаніе іерархіи, здѣсь была почувствована впервые ея необходимость, и лишь затѣмъ этотъ сакраментальный центръ, однажды возникнувъ, сталъ ощутимъ въ своемъ дѣйствіи и во всей церковной жизни.

Здѣсь, въ соборномъ пониманіи іерархіи мы встречаемся съ библейской идеей всеобщаго священства, которая была выдвинута реформаціей противъ католическаго клерикализма. Къ несчастью, обѣ стороны, сталкивавшіяся въ XVI вѣкѣ въ непримиримомъ противорѣчьи, знали только западную постановку этого вопроса и незнакомы были съ православіемъ, которое въ своей идеѣ соборности въ примѣненіи къ іерархическому началу одно лишь способно было ихъ примирить. И прежде всего надо начать съ того, что принципъ всеобщаго царственнаго священства, вѣдомый Ветхому Завету и провозглашенный апостоломъ Петромъ (1 Петр. 2, 9), долженъ быть признанъ и признается въ православіи во всей силѣ. Всѣ христіане суть священники въ храмѣ собственной души, которая есть и храмъ Духа Святаго, и всѣ они суть міряне, участвующіе вмѣстѣ съ совершителями таинства въ божественной литургіи, а также и другихъ таинствахъ. Надо по этому поводу замѣтить, что состояніе мірянъ въ церкви не есть полное отсутствіе царственнаго священства, но лишь особое его состояніе или степень, поскольку всѣ христіане облечены въ священный санъ мірянъ. Мірянство существуетъ лишь въ церкви и для церкви, внѣ ея не существуетъ ни іерархія, ни міряне: мусульмане или язычники не суть міряне въ такой же мѣрѣ, въ какой они не суть и священники. Таинствомъ, которое соотвѣтствуетъ

---

*) Такъ какъ таинство крещенія можетъ совершаться мірянами, оно и не могло явиться сакраментальнымъ основаніемъ для іерархіи. Отсутствіе сакраментальной іерархіи въ протестантизмѣ не является препятствіемъ дѣйствительности таинства крещенія.

рукоположенію въ санъ мірянъ, является муропомазаніе, послѣ котораго крещенный допускается ко всѣмъ другимъ таинствамъ. Заслуживаетъ вниманія, что это возведеніе въ санъ мірянъ есть епископское таинство, подобно рукоположенію: въ западной церкви, какъ правило, оно и совершается черезъ возложеніе рукъ епископскихъ, въ восточной же, хотя непосредственнымъ совершителемъ является священникъ, но муро, употребляемое въ таинствѣ, необходимо имѣетъ освященіе даже нѣсколькихъ епископовъ. Въ этомъ смыслѣ муропомазаніе есть таинство всеобщаго священства. Итакъ, принципъ этотъ, столь дорогой — и по всей справедливости — протестантизму, находитъ для себя соотвѣтствующее признаніе и подтвержденіе, — по крайней мѣрѣ, принципиально — въ православіи: въ совершеніи Евхаристіи участвуетъ в с я церковь въ полнотѣ своего царственного священства, которое однако не аморфно, но организовано, какъ р а з н ы е члены единого тѣла, предстоить алтарю.

Но да будетъ позволено указать нашимъ протестантскимъ братьямъ, что принципъ всеобщаго священства — *sacerdotium* — въ своемъ соборномъ, органическомъ примѣненіи не исключаетъ, но необходимо включаетъ іерархическіе о р г а н ы дѣйствующіе не въ отрывѣ, а въ органическомъ единеніи съ церковью. Іерархія можетъ быть понята какъ организациа всеобщаго священства. Принципъ всеобщаго священства органически связываетъ іерархію съ тѣломъ церкви, только онъ не означаетъ, что всѣ члены церкви практически призваны осуществлять это священство, ибо въ тѣлѣ суть р а з н ы е члены, не всѣ они суть руки, уста и под. Если и въ протестантизмѣ признается необходимой церковная организациа и дифференциациа органовъ, то это практически лишь подтверждаетъ всю ошибочность прямолинейнаго примѣненія принципа всеобщаго священства. Іерархія именно и есть практическое примѣненіе этого принципа, причемъ власть священства препоручается и сосредоточивается въ опредѣленныхъ органахъ. Это же самое, лишь съ недостаточной послѣдовательностью, признается въ протестантскомъ различеніи *sacerdotium* и *ministerium*. Хотя здѣсь и отрицается і е р а р х и ч е с к о е значение *ministerium*, тѣмъ не менѣе фактически въ немъ только и осуществляется *sacerdotium*, которое во всѣхъ членахъ церкви, помимо *ministri*, практически у п р а з д н я е т с я за непримѣненіемъ, или же выражается только въ правѣ выбора. Получается парадоксъ, что и въ протестантизмѣ всеобщее священство осуществляется черезъ личное священство, которое доктринально отрицается. Иными словами получается, что благодаря отсутствію соборнаго пониманія іерархіи всеоб-

шее священство въ дѣйствительности остается бездѣйственнымъ, кромѣ какъ въ пасторѣ (*). Слѣдовательно, принципъ всеобщаго священства въ протестантизмѣ лишь провозглашается, но на самомъ дѣлѣ не признается, поскольку отрицается сакраментальное рукоположеніе. Рѣчь идетъ здѣсь совсѣмъ не о томъ, чтобы отвергнуть или умалить всеобщее священство, но наоборотъ, чтобы его осуществить и сдѣлать изъ формальной деклараціи дѣйствительностью, что и имѣетъ мѣсто при сакраментальномъ рукоположеніи. Последнее же, какъ мы видѣли, есть подлинно таинство в с е й церкви, осуществленіе всеобщаго священства. И при восстановленіи сакраментальнаго священства въ протестантизмѣ рѣчь шла бы не объ отрицаніи, но именно объ устраненіи непослѣдовательности въ примѣненіи принципа всеобщаго священства церкви, — не только даннаго времени, но и всѣхъ временъ ея существованія въ ея единствѣ. Принадлежность къ этому единству жизни церковной и выражается принципомъ такъ наз. апостольскаго преемства, въ настоящее время выражающагося въ епископскомъ возложеніи рукъ, при всеобщемъ согласіи и молитвѣ общины.

Епископы, рукополагая въ единеніи съ церковію, преемственно выражаютъ собой функцію именно всеобщаго священства. Руковозложеніе не есть магическій актъ, *deus ex machina*, сакраментальная власть одного епископа надъ церковью, но въ немъ осуществляетъ себя само церковное священство, въ своей преемственности (еще разъ — Кипріановское *in solidum*) — организованная жизнь священства. Эта организованная жизнь гораздо послѣдовательнѣе отвѣчаетъ идеѣ всеобщаго священства, нежели *в ъ б о р н о е ministerium*, лишенное сакраментальнаго значенія. Идея послѣдняго есть крайнее выраженіе церковнаго юрилизма или легализма, которымъ была поражена западная Церковь. Въ своей реакціи этому легализму реформація пошла еще дальше своего противника. Чиновническое уполномочиваемое *ministerium*, эта антиіерархическая церковная демократія, означаетъ секуляризацію, допущенную внутрь церкви. Она неизбѣжно ведетъ къ церковному провинціализму. Выборное начало въ состояніи установить единство церкви только внѣшнимъ образомъ. Единственно послѣдовательная форма такого принципіальнаго раздробленія церкви является конгрегационализмомъ, а еще далѣе квакерствомъ, съ полнымъ отрицаніемъ іерархіи во имя непосредственной личной ин-

---

*) Слѣдуетъ еще замѣтить, что оно вообще не распространяется на женщинъ, поскольку онѣ не принимаютъ участія въ рукоположеніи.

спираціи, — также *soit disant* всеобщаго священства. Есть два полюса въ этомъ фактическомъ отрицаніи іерархической соборности: антиіерархизмъ квакерства и папизмъ. Можетъ ли имѣть рѣшающую силу при отрицаніи іерархіи историческій аргументъ, именно указаніе на то, что она возникаетъ не сразу и , что первенствующая церковь въ извѣстномъ смыслѣ жила безъ іерархіи? На это можно отвѣтить вопросомъ: является-ли вновь возникшій въ реформаціи *ministerium* дѣйствительно возстановленіемъ жизни первоначальной церкви, въ которой жили св. апостолы и которая отдѣлена отъ насъ тысячелѣтіями? Или же это есть псевдоисторическая, романтическая реконструкція? Съ другой стороны, не является ли именно при свѣтѣ принципа всеобщаго священства и продолжающейся въ своихъ дарахъ Пятидесятницы, наиболѣе пріемлемымъ принципъ практическаго релятивизма въ средствахъ для его выраженія? Нужно только признать, что первенствующею является идея всеобщаго священства, ввѣреннаго церкви и осуществляемаго ею подъ руководствомъ Духа Св. въ опредѣленныхъ формахъ. Такой формой, освященной древностью, начиная съ I вѣка безспорно является іерархія епископскаго преемства. Этотъ принципъ преемства включаетъ (а не исключаетъ), и выборное начало, столь дорогое протестантизму, какъ и протестантскій же, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ іерархическій принципъ сосредоточенія власти въ избранной іерархіи. Но, вдобавокъ къ тому, здѣсь устанавливается принципъ церковнаго единства въ преемственности всеобщаго священства, *sacerdotium* церкви. Всякое произвольное, не необходимое отступленіе отъ органическаго единства, или преданія въ жизни церковной является не только грѣхомъ противъ церковной любви, но и извѣстнымъ нецѣлымъ рискомъ, внесшимъ потрясеніе и сомнительность въ сакраментальное дѣйствіе. Таковымъ именно и явилось устраненіе преемственной іерархіи въ реформаціи. Насколько оно мотивировалось идеей всеобщаго священства, здѣсь было недоразумѣніе, ибо , если это начало и не сознавалось достаточно въ католическомъ и католизирующемъ богословіи съ его чрезмѣрнымъ и одностороннимъ примѣненіемъ принципа *ex ore oregrato*, то на самомъ дѣлѣ принципъ «апостольскаго преемства» именно и означаетъ всеобщее священство народа Божія. И не пришло-ли время пересмотрѣть и провѣрить именно при свѣтѣ принципа всеобщаго священства — протестантскій принципъ назачаемаго *ministerium*, чтобы возвратиться во имя его же къ непрерывно сохраняющемуся единству церкви въ ея апостольскомъ іерархическомъ преемствѣ?

IV. Сакраментальный принципъ въ его значеніи для іерархіи.

Итакъ, епископство и происходящій отъ него пресвитеріумъ имѣеть, прежде всего, евхаристически-сакраментальное происхождение и значеніе, оно есть sacerdotium, таковъ его мистическій корень. Но благодаря этому его значенію епископство становится и церковною властью. Каноническое право опирается на силу таинства, епископство есть власть сакраментальная, и такъ наз. апостольское преемство имѣеть, прежде всего, сакраментальное значеніе, для урегулированія совершенія таинствъ. Ни одинъ изъ другихъ элементовъ власти, возникшей въ епископатѣ не имѣеть такого первичнаго значенія, напротивъ, всѣ они представляютъ собой производныя, церковноисторическія, а затѣмъ и каноническія надстройки на сакраментальномъ базисѣ. Фактъ возникшаго sacerdotium примѣняется какъ организующая сила въ церкви, которая далѣе прагматически истолковывается, нерѣдко съ преувеличеніями и догматическими односторонностями и неточностями у церковныхъ писателей разныхъ эпохъ. Начало этому іерархическому гиперболизму положено св. Игнатіемъ Богоносцемъ (*), за нимъ послѣдовалъ св. Иринеи (**), и нашедшій для него своеобразную законченность св. Кипріанъ (***) съ его прин-

---

*) «Всѣ почитайте діаконовъ какъ Іисуса Христа, епископа какъ образъ Отца, пресвитеровъ же какъ собраніе Божіе, какъ сонмъ апостоловъ. Безъ нихъ цѣть церкви» (Трал. 3). Конечно, такіа гиперболическія выраженія не могутъ притязать на догматическую точность, такъ же какъ и слѣдующія: «всѣ послѣдуйте епископу какъ Іисусъ Христосъ Отцу, а пресвятеру какъ апостоламъ. Діаконовъ же почитайте какъ Заповѣдь Божию» (Смир. 8); «епископъ предсѣдательствуетъ въ церкви какъ образъ Бога, пресвитеры въ образѣ собранія апостоловъ, въ то время какъ діаконамъ ввѣрено служеніе самого І. Христа» (Магнез. 6): «Какъ І. Христосъ есть мысль Отца, такъ епископы находятся въ мысли (ἐν ὑπόψει) І. Христа» (Еф. 3). Поэтому «должно повиноваться епископу, какъ самому І. Христу» (Трал. 2). «Кто повинуется епископу, тотъ повируется не ему, но Отцу І. Христа, Епископу всѣхъ» (Магн. 3). «На епископа должно смотрѣть какъ на самого Господа». Подобное же риторическое опредѣленіе см. и въ Conf. Dos., art. X: «епископъ, какъ преемникъ апостольскій... есть живою образъ Бога на землѣ».

**) Св. Иринеи въ борьбѣ съ гностиками, утверждавшими себя въ обладаніи сокровеннаго преданія, дѣлаетъ главное удареніе на сохраненіи истиннаго преданія въ епископатѣ апостольскаго преемства, которое подтверждаетъ на примѣрѣ Римской церкви: Adv. haeres. III. 3. Подобнымъ же образомъ Hegesippus и Тертуліанъ (Praeser. adv. haer. 32, ad. Marcionem IV, 5).

***) Ученіе объ іерархіи у св. Кипріана колеблется между двумя центрами: съ одной стороны солидагности (in solidum)

ципомъ *episcopus in ecclesia* и *ecclesia in episcopo*, и вообще теоріей «монархическаго епископата», которая нашла свое послѣдовательное завершеніе въ Ватиканскомъ догматѣ. «Намѣстникомъ Христа» на землѣ (а то и представителемъ Бога) епископъ называется иногда и въ православномъ богословіи, которое въ своемъ родѣ не хочетъ отставать отъ Римскаго, не всегда отдавая себѣ отчетъ, куда ведутъ подобныя высказыванія.

Всѣ эти догматическія гиперболы не достигаютъ цѣли, ибо бьютъ дальше нея. Если въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно, что литургисающій епископъ или священникъ имѣютъ на себѣ образъ Христа Первосвященника («*in persona Christi*») при совершеніи таинствъ и прежде всего Евхаристіи, то это относится совершенно одинаково (конечно, кромѣ рукоположенія) ко всему епископату и пресвитерству въ равной степени, какъ къ священству *sacerdotium*, и было бы осторожнѣе ради догматической точности воздерживаться отъ этихъ гиперболическихъ сравненій.

Итакъ, принципъ іерархіи есть сакраментально-евхаристическій, онъ можетъ быть выраженъ словами св. Игнатія Богоносца (Smugn. 8): «та Евхаристія должна почитаться истиной, которая или совершается подъ прямомъ руководствомъ епископа или по его порученію, не позволено помимо епископа ни крестить, ни совершать вечери любви».

всего епископата, связующаго собой единство Церкви, а съ другой въ принятіи видимаго центра его въ ап. Петръ (хотя самъ Киприанъ и не хочетъ признавать въ Римѣ *episcopus episcoporum*). Также двойтся и его основная мысль о монархическомъ епископатѣ: *episcopus in ecclesia et ecclesia in episcopo*, потому что она можетъ быть одинаково понята въ смыслѣ папастическаго епископализма, какъ и соборнаго принципа. Однако сакраментальный принципъ іерархіи сохраняется и у него: *ut sacerdotes qui sacrificia dei cotidie celebramus* (Ер. 57, 3), причемъ не устраняется даже идея соборности, какъ единенія *sacerdos* съ народомъ (*plebs*): *illi sunt ecclesia plebs sacerdoti adunata et pastori suo grex adhaerens. Unde scire debes episcopum in ecclesia esse et ecclesiam in episcopo.* (ср. 66, 8). Этому не противорѣчитъ у него параллельный принципъ, что единство церкви связано съ епископатомъ, (знаменитая контроверса о двухъ текстахъ относительно ап. Петра, *de Unitate* с. 4, рѣшающаго значенія здѣсь не имѣетъ). Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ для сакраментальнаго истолкованія іерархизма Киприановскій принципъ, что каждый изъ епископовъ *in solidum* — цѣлостно, соборно, принадлежитъ къ епископату, одновременно съ нимъ связанъ, но и лично уполномоченъ.

V. Власть учительства и іерархія.

Историческое развитие церкви вообще благопріятствовало іерархії, которая, сосредоточивъ около себя ея сакраментальную жизнь, далѣе получила значеніе вообще органа церковнаго единства, церковной власти, какъ таковой. Эта власть и вліяніе проявляется въ другихъ служеніяхъ іерархії, кромѣ sacerdotium, это именно учительство, magisterium, и церковное управление, iurisdictio. Послѣднее шло объ руку и съ огусударствленіемъ церкви, благодаря связи между церковью и имперіей, сотрудничеству церковной и гражданской власти, sacerdotium et imperium, епископства духовнаго и «внѣшняго», императорскаго. Юрисдикція, какъ и учительная власть іерархії явилась совершенно естественными и нормальными послѣдствіями сакраментализма, сосредоточеннаго въ рукахъ іерархії, ибо власть совершенія таинствъ вообще есть высшая и послѣдняя власть, съ которой не можетъ сравниться никакая другая. Судьбы развитія этой власти на востокѣ и западѣ были различны въ томъ отношеніи, что на западѣ развитіе власти іерархії, какъ монархическаго епископата, достигло своего предѣла въ папизмѣ, востокъ же, идя по тому же самому пути, милостію Божіею остановился на срединѣ и не дошелъ до предѣла. Учительная власть іерархії, конечно, не принадлежитъ къ числу сакраментальныхъ даровъ. Не существуетъ іерархическая *charisma infallibilitatis*, провозглашенная Ватиканскимъ догматомъ. Епископы не только не обладаютъ непогрѣшимостью въ учительствѣ, но и фактически погрѣшали: исторія церкви одинаково знаетъ еретиковъ и среди папъ, и патріарховъ, и епископовъ. Возможны были многолюдные епископскіе соборы, которые оказались отвергнуты и осуждены церковью (какъ разбойничій Ефесскій, иконоборческій 764 г., далѣе уніональные соборы Ліонскій и Флорентійскій). Восточная церковь въ своемъ вѣроученіи всегда подвергается опасности замѣнить единоличный папизмъ коллективнымъ, а Ватиканскій догматъ непогрѣшимости папы замѣнить непогрѣшимостью коллективнаго папы — епископата. Для этого создается фикція единогласія епископата, которое будто бы проявлено было на вселенскихъ соборахъ, какъ и во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни церкви. Знакомые съ исторіей вселенскихъ соборовъ знаютъ, какъ далеко отъ истины является это представленіе объ епископскомъ единогласіи. Конечно, послѣ разныхъ ампутацій, при содѣйствіи не только духовной, но и свѣтской власти извѣстное единогласіе устанавливалось (хотя тоже не всегда: достаточно только вспомнить исторію III всел. Ефесскаго собора), но и это единогласіе не всегда было гарантіей истины: достаточно вспомнить

иконоборческой соборъ и Флорентійскій. Въ результатѣ этихъ сопоставленій, оказывается, что авторизація соборныхъ постановленій совершается не епископатомъ только, какъ таковымъ, но всѣмъ народомъ церковнымъ, его «рецепціей», с о б о р н о . Обычно въ видѣ возраженія противъ этой истины указываютъ, что всел. соборы состояли изъ однихъ епископовъ, и этотъ якобы фактъ приводится въ защиту идеи коллективнаго папизма. Но, во первыхъ, надо учесть въ этомъ фактѣ долю вліянія свѣтской власти, пригласившей на соборъ епископовъ, равно какъ и трудностей тогдашнихъ средствъ сообщенія; во вторыхъ, надо вспомнить присутствіе на соборѣ мірянъ, — именно императора («внѣшняго епископа») и императорскихъ чиновниковъ, а также и другихъ лицъ, напр., многочисленныхъ монаховъ на VII всел. соборѣ (не говоря о папскихъ представителяхъ, обычно священникахъ). Особого же постановленія, канонически-догматическаго, объ исключительно епископскомъ составѣ соборовъ никогда не было, почему въ настоящее время, при измѣнившихся условіяхъ всей жизни, эта практика можетъ считаться уже оставленною (въ частности Московскій соборъ 1917-18 гг. состоялъ изъ представителей не только правящаго епископата, но и духовенства и мірянъ, подобно аналогичнымъ собраніямъ англиканской церкви и конвокаціи американской епископальной). Идея коллективнаго папизма, т. е. непогрѣшительности единогласнаго постановленія епископовъ, вообще окрашена въ цвѣта романизма и отличается отъ него только меньшей послѣдовательностью; провозгласить восточно-ватиканскій догматъ непогрѣшительности епископата значило бы идти наперекоръ не только исторіи, но и самой жизни. Такое догматическое притязаніе имѣло бы своей основой р и м с к у ю идею внѣшняго органа непогрѣшительности, аналогичнаго папѣ *ex cathedra*. Но такого органа, такого автомата непогрѣшительныхъ сужденій въ православіи не существуетъ, ибо, согласно посланію восточныхъ патріарховъ, у насъ все тѣло церковное, а не іерархія только, хранитъ церковную истину. И вся церковь свидѣтельствуеетъ объ истинѣ, водимая Духомъ Св. Отсутствіе такого внѣшняго органа въ церкви, которое обычно съ римской стороны считается слабостью и безпомощностью, въ дѣйствительности есть преимущество, ибо это болѣе соотвѣтствуетъ природѣ церкви, которую самъ Духъ Св. научаетъ всякой истинѣ своими, Ему вѣдомыми, путями.

Тѣмъ не менѣе іерархія, въ силу ея сакраментальной власти и въ связи съ нею, естественно принадлежитъ особое право учительства, *ius magisterii*, храненіе и исповѣданіе истины церковной. Прежде всего, оно принадлежитъ ей въ связи съ богослуженіемъ и тайнодѣйствіемъ, катехизатор-

ствомъ и проповѣдничествомъ. Епископъ блюдетъ за церковнымъ учительствомъ. Однако это учительство не составляетъ сакраментальной привилегіи іерархіи, которая была бы совершенно недоступна для мірянства (*). Напротивъ, и міряне, по благословенію соотвѣтствующаго іерарха, допускаются къ проповѣданію даже при богослуженіи, а ужъ тѣмъ болѣе внѣ его, не говоря уже о томъ, что они имѣютъ право, а при извѣстныхъ условіяхъ обязанность, богословскаго сужденія (даже на Ватиканскомъ соборѣ дано было мѣсто богословамъ). Было бы однимъ изъ нестерпимыхъ суетвѣрій думать, что іерархическая харизма замѣняетъ и восполняетъ отсутствіе богословскихъ знаній и вообще представляетъ собой своеобразную магію, невѣждъ превращающую въ богослововъ. Естественно скорѣе наоборотъ: отъ іерарха требуется быть подготовленнымъ къ своему служенію. Но помимо этого церковнаго проповѣданія, іерархіи принадлежитъ право и долгъ блюденія церковной истины и авторитетнаго ея возвѣщенія. Не притязая на вѣроучительную непогрѣшительность, епископы суть тѣмъ не менѣе какъ въ уста церкви, въ согласіи съ нею авторитетно и властно провозглашающія церковныя сужденія. Въ этомъ именно смыслѣ и на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, послѣднее авторитетное сужденіе по праву принадлежитъ епископамъ (на Московскомъ соборѣ епископы въ особыхъ засѣданіяхъ имѣли право veto на постановленія собора). Это право епископства вообще и отдѣльнаго епископа въ частности (***) можно назвать условной непогрѣшительностью. Прагматически можно сказать, что *indicium episcopati pro veritate habetur*, однако *donec corrigetur*, или *sinon corrigetur* Церковью. Еще болѣе, конечно, это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ дѣйствіямъ, имѣющимъ вѣроучительное значеніе, или догматическимъ фактамъ. Въ частности, на путяхъ экуменическаго сближенія епископату дано нынѣ совершить тѣ или иные властные и авторитетные шаги, принять отвѣтственныя рѣшенія. (Въ частности въ вопросахъ сакраментальнаго *intercommunio* ему принадлежитъ и прямая рѣшающая власть). Однако съ неменьшей силой слѣдуетъ подчеркнуть именно здѣсь, что эта власть можетъ быть осуществлена толь-

---

*) Правило 64 «пято-шестого», Трулльскаго собора запрещаетъ мірянамъ публичной («предъ народомъ») проповѣди догматическаго содержанія (очевидно, безъ прямого дозволенія или порученія епископа), но, конечно, отнюдь не самое учительство вообще.

**) Здѣсь не неумѣстно вспомнить Кипріановское *in solidum*: каждый отдѣльный епископъ имѣетъ вселенское епископство какъ таковое, не частью, но цѣликѣмъ.

ко въ согласіи съ народомъ церковнымъ. Приказывать односторонне здѣсь іерархія не можетъ, какъ объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ исторія Флорентійскаго собора. Его опредѣленія не могли быть навязаны іерархіей народу. Это же надо имѣть въ виду и въ настоящее время въ вопросахъ экуменическаго сближенія. Іерархія не имѣетъ власти приказать соединеніе, если оно не будетъ подготовлено и принято народомъ церковнымъ. Ко всему этому не надо забывать, что іерархическимъ преемствомъ и таинствами не исчерпывается благодатная жизнь церкви. Въ церкви существуетъ прямое, непосредственное пріятіе даровъ Св. Духа, сила пророчества, котораго не угашать заповѣдалъ апостоль. Это пророческое служеніе по существу своему не можетъ быть нормировано, ибо Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Но для даннаго вопроса о *potestas magisterii* имѣетъ значеніе, что наряду съ іерархическимъ учительствомъ церковь знаетъ и пророческое, т. е. по существу мірянское учительство. Поэтому учація силы и возможности учительства въ церкви іерархіей не исчерпываются. На долю іерархіи остается провозглашеніе и оформленіе истины, авторитетное свидѣтельство о ней.

VI. Іерархія и юрисдикція.

Іерархія обладаетъ, далѣе, *potestas iurisdictionis*, властью править церковной жизнью, прежде всего и преимущественно въ области сакраментальной. Эта сторона ея находится, конечно, въ связи съ самой сакраментальной властью, есть также «надстройка» на этомъ «базисѣ», но она имѣетъ всецѣло историческое происхожденіе, существуетъ *iure ecclesiastico*. Каноническое устройство церкви въ каждую эпоху есть ни что иное какъ закрѣпленіе фактическаго положенія вещей въ церковномъ правѣ. Для того или другого каноническаго устройства не существуетъ догматическаго основанія, которое хочетъ имѣть Римская церковь все въ томъ же папскомъ догматѣ. Историческимъ примѣромъ столкновенія двухъ разныхъ міросозерцаній въ вопросѣ о природѣ канонической власти является отношеніе къ знаменитому 28-му правилу IV вселенскаго (Халкидонскаго собора) установившаго пентархію патріарховъ (подобную «пяти чувствамъ») и возвеличившаго Константинопольскую кафедру почти до уровня Римской. Это возвеличеніе оправдывалось въ 28 канонѣ откровенно и рѣшительно причинами не догматическими и даже не каноническими, а историческими, — фактическимъ значеніемъ Константинопо-

ля, какъ «царствующаго града», политической и культурной столицы имперіи. Эта мотивировка явилась, конечно, завѣдомо тенденціозной еще и въ томъ отношеніи, что тѣми же причинами мотивировалось и положеніе Рима, тоже какъ царственнаго града. Разумѣется, въ Римѣ, гдѣ первенство папскаго престола мотивировалось догматически, никакъ не могли согласиться съ такимъ низведеніемъ Римскаго примата къ случайности исторической конъюнктуры, которая можетъ и измѣниться, какъ она и дѣйствительно измѣнилась, какъ для Рима, такъ и для Константинополя, послѣ паденія Византіи. Примѣръ 28 канона очень показателенъ и имѣетъ принципиальное значеніе и для настоящаго времени, когда вся историческая обстановка до неузнаваемости измѣнилась. Сакраментальная связь отдѣльныхъ епископій, находящихся въ нѣкоторомъ общецерковномъ единеніи, выражается въ рукоположеніи епископа двумя или тремя епископами изъ другихъ епископій, а слѣдовательно, въ лицѣ ихъ признаніе ихъ *in solidum* со стороны не только ихъ частныхъ церквей, но и вселенскаго епископата и вселенской церкви вообще. Возникновеніе новой епископіи или поставленіе новаго епископа всегда выводитъ за предѣлы мѣстной ограниченности даннаго діоцеза, и уже на основаніи одного этого нельзя говорить о монархическомъ епископатѣ, который былъ всегда или полемической фикціей, или догматическимъ увлеченіемъ. Епископатъ могъ быть только соборнымъ, какъ въ своемъ происхожденіи, такъ и существованіи. Только Римская каедрa въ силу догматическаго провозглашенія папизма являетъ собой единственный послѣдовательный примѣръ монархическаго епископата. Путь къ подлинно монархическому епископату остается одинъ: «въ Каноссу». Сакраментальная необходимость взаимоотношенія отдѣльныхъ епископовъ, имѣющая для себя основаніе въ соборности церковной, всегда требовала для себя извѣстной упорядоченности и соглашенія, каноническихъ нормъ, которыя и осуществлялись въ церковныхъ правилахъ, устанавливаемыхъ на соборахъ церковныхъ. Такимъ образомъ возникаютъ второй, третій, и далѣе этажи канонической іерархіи, это представляетъ собой лишь жизненное развитіе 34 апостольскаго правила о томъ, что епископамъ всякаго народа подобаетъ имѣть перваго между собою. Этотъ принципъ получаетъ осуществленіе въ образованіи митрополій и патріархатовъ, которые возникаютъ вновь и на нашихъ глазахъ и, конечно, менѣе всего считаются при этомъ возникновеніи съ древней пентархіей. Принципъ канонической юрисдикціи не только сочетается съ сакраментальнымъ, какъ регулирующее на-

ч а л о, но и спорить съ нимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ себя преувеличивая и даже его какъ бы заслоняя. Въ исторіи церкви каноническія пререканія создавали и создаютъ много церковныхъ схизмъ, которыя посягаютъ на самую силу тайнодѣйствія. Сюда относятся разныя каноническія запрещенія въ тайнодѣйствіи, вызывающія столь печальныя и болѣзненныя явленія раскола. Какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, далеко не всегда блюдетъ должное равновѣсіе между тѣмъ, что можно назвать канонической логикой вещей, и властолюбіемъ отдѣльныхъ іерарховъ или кафедръ, вопреки мудрому правилу: *pas trop gouverner*, ибо область церкви не есть область имперіи. Исторія связала каноническія единства съ государственными (откуда и проистекаетъ возникновеніе національно-государственныхъ патріархатовъ). Но надо помнить, что настоящей сакраментальной единицей въ церкви является епископія, которая находится въ связи и со всей церковью, Кипріановское: *episcopus in ecclesia*. И предъ лицомъ чрезмѣрности централизаціи огромныхъ національно-государственныхъ церквей, своей тяжестью лежащейся на развитіе мѣстной жизни, не пришла ли пора въ наше время постепенно давать мѣсто отдѣльнымъ епископскимъ общинамъ, подобно апостольскимъ, съ преодоленіемъ и восточнаго папизма разныхъ видовъ, но съ возстановленіемъ во всей силѣ принципа соборности? Типъ сакраментально-іерархическаго «конгрегационализма» епископій болѣе соответствуетъ и существу православія, и нуждамъ историческаго момента, нежели запоздалыя реставраціи церквей-государствъ. Къ тому же, государства давно уже стали лаическими, и стремятся къ отдѣленію церкви отъ государства въ то время, когда церковныя организаціи тянутся удержать и даже увѣковѣчить эту связь. Константиновская эпоха связи церкви съ государствомъ миновала, и православная церковь вступила (съ очевидностью послѣ русской революціи) въ послѣ-Константиновскую эпоху.

Поучительное сопоставленіе мы находимъ въ каноническомъ устройствѣ Церкви въ протестантизмѣ, который, отвергнувъ сакраментальную природу іерархіи и превративъ ее въ выборное служительство, въ то же время воздвигъ весьма внушительную каноническую организацію на этомъ фундаментѣ. Мы уже не говоримъ о связи церкви съ государствомъ въ реформаціи, по принципу *cuius regio eius religio*, или главенства свѣтскаго государя въ церкви въ англійскомъ *establishment*, но и о самомъ устройствѣ церковной власти. Протестантизмъ въ обѣихъ вѣтвяхъ своихъ, какъ лютеранствѣ, такъ и реформатствѣ, установилъ цѣлую систему каноническихъ органовъ общецерковнаго правительства или на выборныхъ нача-

лахъ, или прямо по государственному назначенію. Такимъ образомъ вмѣсто іерархическаго устройства церкви получилось церковное чиновничество, управляющее церковью (вся ненормальность этого положенія достаточно обличилась въ наши дни въ Германіи). Но соотвѣтствуетъ ли эта система тому идеалу первохристіанской церкви, во имя котораго произведена была реформа и отвергнута сакраментальная іерархія? Много-ли напоминаютъ эти консисторіи, суперинтенденты и проч. древнихъ харизматиковъ, хотя протестантизмъ и хочетъ быть профетически-харизматической церковью? Преодолѣніе этой секуляризаціи и какого то откровеннаго и узаконеннаго цезарепапизма или д е м о к р а т і и (вмѣсто соборности) возможно лишь на пути преодолѣнія революціоннаго момента въ реформаціи, именно въ возстановленіи сакраментальной іерархіи. И не лежитъ ли на этомъ обмірщеніи церкви та же мрачная тѣнь средневѣковаго папизма, котораго совлечься хотѣла реформація? Въ протестантскомъ мірѣ не разъ высказывался призывъ преодолѣть и какъ бы закончить и исправить реформацію (Гарнакъ), однако до сихъ поръ этотъ призывъ понимался скорѣе въ смыслѣ разрушительной критики христіанскихъ догматовъ. Но не пришло ли время дѣйствительно продолжить реформацію, освободивъ ее отъ тѣни папизма, которая лежитъ на ней, хотя и съ отрицательнымъ коэффициентомъ? Это же самое пожеланіе можетъ быть обращено также и въ отношеніи къ нѣкоторымъ православнымъ представителямъ, которые въ теоріи и на практикѣ иногда стремятся осуществить папизмъ второго сорта, именно безъ папы, или же, что еще хуже, коллективный папизмъ. Совершенно не желая умалять достоинства Римскаго патріархата, великой апостольской церкви запада, мы считаемъ тѣмъ не менѣе существеннымъ для судьбы христіанства въ стремленіи къ объединенію, для экуменическаго движенія, в н у т р е н н е е преодолѣніе папизма въ нашей собственной средѣ — во имя церковной соборности .

Прот. Сергій Булгаковъ.